

Епископ Кассиан (Безобразов) как переводчик Св. Писания (на примере Апокалипсиса)

А.С. Небольсин

Епископ Кассиан (Безобразов) (1892-1965) – крупнейший русский исследователь Св. Писания Нового Завета середины XX в. Его перу принадлежит ряд трудов, не потерявших своего значения и сегодня. Это и широко используемое в ПСТГУ учебное пособие «Христос и первое христианское поколение», и комментарий к Евангелию от Иоанна, и отдельные статьи и устные выступления. Особое место среди трудов еп. Кассиана занимает перевод Св. Писания Нового Завета на русский язык. Возглавляя с 1951 по 1964 г. комиссию при Св.-Сергиевском Богословском институте по переводу Нового Завета на русский язык, еп. Кассиан фактически самолично выполнил этот новый перевод (далее КП). Увидев свет в 1970 г. в издании Библейских обществ, КП появился в продаже в России в первой половине 90-х годов и получил определенное распространение среди преподавателей и студентов российских богословских учебных заведений, что вполне естественно, ибо в это же время получают в России распространение и прочие труды владыки, в которых новозаветные книги цитируются в авторском переводе. Вместе с тем, КП не вытеснил из употребления Синодальный перевод (далее СП), который продолжает оставаться стандартным русским текстом Нового Завета для абсолютного большинства православных верующих России, которые к тому же в своей литургической жизни используют церковнославянский язык. Кроме того, в конце прошлого столетия появляются и другие переводы новозаветных книг, так что КП оказался лишь одной из возможных альтернатив СП. Каково же место КП в ряду имеющихся русских версий Нового Завета? В чем его своеобразие? Какова наиболее подходящая ему сфера применения? Ответам на эти вопросы посвящено данное выступление, причем иллюстрироваться особенности КП будут в нем, в основном, примерами из Откровения Иоанна Богослова.

Прежде всего, следует сказать, что КП есть перевод, выполненный православным архиереем, или, если все же рассматривать его как труд коллективный, выполненный авторским коллективом, сформированным при православном богословском учебном заведении и возглавляемым православным архиереем. В качестве такового он несомненно может считаться выражением определенного пастырского подхода к Св. Писанию и его проповеди. Задача пастыря – созидать тело Церкви, а не сотрясать его. Поэтому, хотя КП и был, очевидно, порожден определенной неудовлетворенностью СП, он гораздо больше ориентирован на связь с ним, нежели на разрыв. КП может быть назван если не церковным, то, по крайней мере, церковно ориентированным переводом. Подход чеховского Треплева, согласно которому «нужны новые формы..., а если их нет, то лучше ничего не нужно», абсолютно чужд автору/авторам КП. Эта церковная ориентация КП очевидным образом отделяет его от таких переводов, как «Радостная Весть» В.Н.Кузнецовой или адвентистский перевод под редакцией

М.П.Кулакова, изданный Институтом перевода Библии в Заокском¹. Исходя из этого восприятия КП как труда церковно ориентированного и будет строиться его оценка в настоящем докладе.

Рассматривая КП, следует разграничить два аспекта. Первый касается лежащего в его основе оригинального текста, а второй – перевода как такового, причем в последнем случае следует отдельно рассматривать его фактическую точность и его стиль (отдавая себе при этом отчет в том, что эти две вещи, конечно же, не являются изолированными друг от друга).

Первый аспект рассмотрения оказывается исключительно важным для оценки КП. В основе КП лежит текст критических изданий Нового Завета, отличающийся от *textus receptus*, от используемого в Православной Церкви богослужебного текста Нового Завета. Сам еп. Кассиан в своем комментарии на Евангелие от Иоанна пишет на этот счет следующее: «Время *textus receptus*, восходящего к первым печатным изданиям греческого Нового Завета,... прошло безвозвратно. Доказывать этот тезис значило бы ломиться в открытые двери... После полутора лет ученой работы над текстом Нового Завета мы не имеем права пользоваться им иначе, как в его критических изданиях» (Толкование на Евангелие от Иоанна // Символ 34 (1995). С. 17). Эта мысль еп. Кассиана требует определенных комментариев. Если речь здесь идет о науке, то даже не доказывая свое утверждение, а всего лишь высказывая его, он ломится в открытую дверь. Никто из ученых-библеистов последних столетий не основывался в своих исследованиях на *textus receptus* исключительно. Говоря о России, достаточно назвать имена Н.Н.Глубоковского, Д.Н.Богдашевского (еп. Василия), или, ввиду того, что в настоящем докладе особенности КП будут иллюстрироваться, в основном, на примере Откровения Иоанна Богослова, крупнейшего дореволюционного исследователя Апокалипсиса В.В.Четыркина. Если же речь идет о повседневном использовании Св. Писания, то тут позиция еп. Кассиана представляется уязвимой. Текст критических изданий – гипотетический. Он не соответствует тексту ни одного из дошедших до нас источников и является плодом ученой реконструкции, причем в ряде мест сами составители критических изданий вынуждены признать расхождения во взглядах относительно предлагаемого чтения². Соответственно, текст критических изданий не освящен никакой традицией. В нем отсутствуют привычные, часто цитируемые, знакомые по богослужебным чтениям слова и фразы, и это может неприятно поражать и даже смущать неподготовленных читателей. Яркими примерами расхождения текста критических изданий с традиционным текстом являются Мф 9. 13, где в критических изданиях и в КП отсутствует словосочетание «к покаянию», Мф 17.

¹ Ср. в связи с этим оценку КП и перевода В.Н.Кузнецовой у С.В.Лезова: КП «зависит от синодального, т. е. представляет собой его очередную редакцию»; Кузнецова стремится «сделать перевод как можно более непохожим на синодальный, разрушить автоматизм читательских ожиданий и восприятий и тем самым актуализировать текст» (Канонические Евангелия. М., 1993. С. 31).

² См., например, разночтения в Деян 16. 12, помеченные в критическом издании Объединенных Библейских обществ буквой D, обозначающей максимальную степень взаимного несогласия членов подготовившего издание редакционного комитета.

21, отсутствующий в критических изданиях и в КП, Мк 9. 29, где отсутствует привычное указание на пост, Мф 6. 4, 9, 18, где в словах о воздаянии опущено наречие «явно», а также 1Тим 3. 16, где в тексте критических изданий стоит ὅς вместо θεός и, соответственно, КП звучит так: «Он, кто явлен был во плоти...». В случае Апокалипсиса, к примерам из которого мы обратимся ниже, эти расхождения не столь значимы ввиду того, что Откровение Иоанна Богослова не читается на литургии, но, в целом, внедрение не освященного церковной – прежде всего, литургической, – традицией текста в повседневный обиход простых верующих не представляется оправданным. Оно способно привести к определенному раздвоению в их сознании, в худшем случае, – к прямому их смущению и соблазну. В этом отношении КП как раз вряд ли может быть назван церковным. Сказанное вовсе не означает отрицательного отношения к критическим изданиям. Они необходимы для научной работы и для преподавания. Но их значение – не в тексте, предлагаемом в качестве основного, а в критическом аппарате, который позволяет увидеть все богатство рукописных и святоотеческих свидетельств, все многообразие имеющихся чтений. Но как раз этого аппарата КП и не содержит, предлагая лишь немногочисленные сноски, кратко и без ссылок на конкретные источники поясняющие выбор некоторых вариантов.

Что касается перевода как такового, то в этом отношении качество КП должно быть признано очень высоким. В отличие от перевода В.Н.Кузнецовой, изданного под названием «Радостная весть» и адвентистского перевода под редакцией М.П.Кулакова, изданного Институтом перевода Библии в Заокском, КП, как и СП, ориентирован на максимальную точность воспроизведения оригинала – не только общую смысловую точность, но и точность лексическую и грамматическую. С точки зрения этой точности КП превосходит СП. В качестве примеров можно привести точную передачу КП исторического презенса греческого оригинала в отдельных местах Прощальной беседы Спасителя (Ин 13. 4-5; 16. 33), где СП заменяет его прошедшим и будущим временем, полное и богословски обоснованное единообразие перевода слов σημείον и μένω в Евангелии от Иоанна как «знамение» и «пребывать». В некоторых местах, где СП оказывается бледным, КП удается передать образную тонкость греческого оригинала. Например, в Евр 2. 1 греческий глагол παραρρέομαι КП передает как «быть унесенным течением», в то время как в СП стоит просто «отпасть». Кое-где подчеркнутое стремление КП к точности приводит и к спорным результатам, например в 2Кор 5. 21, где апологетическое исправление СП, возможно, является оправданным, или в Мф 5. 4, где филологически безупречный перевод πενθοῦντες как «скорбящие» является отходом от традиционного и вошедшего в плоть и кровь «плачущие». То же можно сказать и о попытке КП передать шероховатости синтаксиса посланий ап. Павла в Рим 5. 12-13; 15. 24; Еф 3. 1, вводя незавершенные обороты, заканчивающиеся многоточием, и в русский текст. Рядового читателя такие вещи могут лишь ввести в недоумение. Тем не менее, в целом, оценка КП с точки зрения точности отражения в нем оригинального

греческого текста, должна быть весьма высокой – в данном отношении это, безусловно, лучший на сегодняшний день перевод Нового Завета на русский язык.

Относительно стиля КП труднее всего высказываться определенно. Для него, несомненно, характерна некоторая двойственность. С одной стороны, как уже было отмечено выше, он не нацелен на резкий разрыв с СП и может даже считаться выполненным в его традициях, с другой же стороны, он очевидным образом стремится предложить читателю текст на языке более современном, нежели тот, что представлен в СП. Это стремление само по себе закономерно и не должно вызывать нареканий. Отказ от архаичных слов вроде «сей», «оний», от форм «домы», «святой», «злый» вряд ли предосудителен. Но в некоторых случаях варианты КП представляются не вполне удачными. Непонятно, почему «обетование» нужно было везде заменять «обещанием», особенно в свете того, что такие выражения, как «земля обетованная» хорошо известны даже совсем далеким от Церкви людям. Грубоватым на фоне СП представляется перевод фрагмента из книги пророка Исая, цитируемый в Мф 12. 19-20. То же самое можно сказать и о Еф 5. 14, с его призывом «вставай, спящий». К тому же КП непоследователен в рассматриваемом отношении. В нем можно встретить и такие слова как «чрез» и «пред», употребляется то слово «мать» (Ин 2. 1-5; 19. 25-27), то «матерь» (Мф 12. 46-50 и параллели). Очевидно, стилистике КП могут даваться разные оценки в зависимости от личных пристрастий оценивающих. Задача создать текст, в равной мере соответствующий как традиции церковного словоупотребления, так и современной автору норме живого языка, чрезвычайно сложна. Поэтому признание определенного недостатка стилистической цельности и завершенности в КП ни в коей мере не может, на наш взгляд, поколебать его общую высокую оценку.

Теперь рассмотрим отмеченные особенности КП на примере Откровения Иоанна Богослова. Если говорить о текстологии, то, как уже отмечалось выше, в случае Апокалипсиса различия между общепринятым церковным текстом и текстом критических изданий не столь значимы, или, во всяком случае, вряд ли могут вызвать столь эмоциональную реакцию, как в случае других книг Нового Завета, так как Апокалипсис в Православной Церкви за литургией не читается и не содержит столь прочно вошедших во всеобщую память фраз, как, скажем, Евангелия и послания ап. Павла. Тем не менее, в ряде случаев эти расхождения заслуживают внимания. Так, в 1. 10 подобный Сыну Человеческому не произносит слов «Я есмь Альфа и Омега, Первый и Последний», а сразу дает повеление Иоанну написать малоазийским церквам, в 8. 13 не ангел, а орел возглашает трехкратное горе, в 12. 18 не Иоанн, а зверь «стал на песке морском», в 21. 7 побеждающий наследует не «все», а «это», в 13. 10 высказывание приобретает совершенно иной вид и смысл, акцентируя не неотвратимость воздаяния, а то, что все совершается по воле Божией. Особо следует отметить возгласы апокалиптических животных, сопровождающие снятие первых четырех печатей. В традиционном тексте они звучат как «иди и смотри» и очевидным образом обращены к Тайнозрителю. В тексте критических изданий и, соответственно, в КП

стоит просто «иди», и призыв может быть понят как обращенный к появляющемуся после него всаднику. Именно таким образом данное место читается и истолковывается св. Андреем Кесарийским. Он объясняет его таким образом, что представитель высшего ангельского чина, то есть одно из четырех животных, дает повеление представителю чина низшего, то есть «ангелу, таинственно изображающему видение». Забавно, что при этом русские издания Андрея Кесарийского в качестве толкуемого текста приводят СП, то есть *textus receptus*, на котором св. Андрей в данном случае не основывается и с которым не согласуется его толкование. Внимательный, но несведущий в текстологии читатель при этом не может не остаться в недоумении. Этот пример прекрасно показывает, для чего нужны критические издания.

Переходя к рассмотрению собственно перевода Апокалипсиса, следует сразу же подчеркнуть, что в случае этой книги любой переводчик сталкивается с совершенно особыми трудностями. Язык Откровения Иоанна Богослова настолько своеобразен, а своеобразие это настолько связано с грамматическими шероховатостями, что на точное воспроизведение языковых реалий Апокалипсиса вряд ли решится хоть один переводчик. Незнакомого с оригинальным текстом книги и филологически неподготовленного читателя такие обороты, как «благодать и мир от Сущий и Был и Грядущий» (1. 4) или «в великий точило» (14. 19) могут только шокировать. Поэтому переводчики неизбежно «приглаживают» текст Апокалипсиса. Вместе с тем, очевидно, они все же стремятся кое-что сохранить из языкового колорита книги и хоть в какой-то степени дать почувствовать его читателю. Пожалуй, лишь создатели СП не ставили перед собой такой задачи, и в итоге он оказался самым «приглаженным» из всех русских переводов. КП, сохраняя свою общую близость к СП, в этом отношении от него отличается и сближается с более современными переводами. Ярким и, в целом, удачным примером попытки КП передать языковой колорит Откровения Иоанна Богослова является перевод обетований побеждающему в посланиях семи церквам (гл. 2-3), где сохранен плеонастически-дублирующий характер местоимения *αὐτός* (он), хотя *nominativus pendens* оригинала (2. 26; 3. 12, 21) и остается при этом неотраженным. Обетование в послании ангелу ефесской церкви имеет, например, в КП следующий вид: «Тому, кто побеждает, Я дам вкусить **ему** от древа жизни, которое в раю Божиим» (2. 7). Подобного рода обороты, регулярно встречающиеся в разговорной русской речи, литературной норме не соответствуют, тем ценнее их появление на страницах перевода Откровения Иоанна Богослова. Другой, гораздо менее сложной с точки зрения сохранения в переводе особенностью языка Апокалипсиса является причудливое использование в нем глагольных времен, которые иногда чередуются в рамках одного повествовательного блока без видимой внешней логики. Ярчайшим примером этого является повествование о двух свидетелях (11. 3-13). Оно ведется сначала в формах будущего времени (ст. 3), затем описание деятельности двух свидетелей представлено в презенсе (ст. 4-6), который вновь сменяется будущим временем (ст. 7), после чего доминируют формы настоящего времени (ст. 8-10), а в конце

этого эпизода перед нами большая серия аористов (ст. 11-13). КП в отличие от СП точно передает все эти изменения глагольных времен, это общее движение от будущего времени к прошедшему, и это надо признать проявлением не просто филологической щепетильности, а и подлинной богословской чуткости автора перевода. Не вполне обычное на первый взгляд чередование времен в рассматриваемом фрагменте вряд ли является случайным. Гораздо вероятнее, что оно отражает выходящий за рамки обычной временной последовательности метаисторический характер данного эпизода, отмечаемый большинством современных исследователей Апокалипсиса. КП дает больше простора, нежели СП, для полноценного толкования текста. В качестве примеров более точной и тонкой, нежели в СП, передачи глагольных времен в КП можно привести также 1. 5, где Христос назван не «возлюбившим», а «любящим» нас, а также 7. 14, где облеченное в белые одежды великое множество людей – это те, кто не «пришли», а «приходят» от великой скорби.

В отражении словоупотребления Апокалипсиса точность КП в некоторых случаях также заметно превосходит СП. Ярчайшим примером этого является обетование побеждающему в послании пергамской церкви (2. 17), где слово *ψῆφος* в КП тонко передано как «камешек», в то время как в СП тремя разными греческими словам – *πέτρα* (Мф 7. 24-25; 16. 18; в КП – скала), *λίθος* (Мф 21. 42; 1Пет 2. 4-7; в КП – камень) и *ψῆφος* (Откр 2. 17) – соответствует одно и то же слово «камень». В отличие от СП, в КП различены слова *λυχνία* (1. 12) и *λαμπάς* (4. 5), переведенные как «светильник» и «светоч» соответственно, в то время как в СП оба раза стоит «светильник». В 16. 17 и 21. 6 в СП читается «совершилось!», что у читателя сразу же может вызвать ассоциации со словом Христа на кресте, сохраненном в Евангелии от Иоанна (Ин 19. 30). Сама по себе эта ассоциация не является бесосновательной, но в двух книгах иоанновского корпуса все же употреблены разные глаголы. В Евангелии сказано *τετέλεσθαι*, а в Апокалипсисе в первом случае *γέγονεν*, а во втором – *γέγοναν*. Эта разница в словоупотреблении отражена в КП, где возгласы Апокалипсиса представлены как «сбылось!» и «они сбылись!», причем во втором случае очевидно, что множественное число относится к слову «слова» предыдущего предложения (заметим, что СП не отразил и эту разницу в числе между двумя употреблениями одного и того же глагола в книге Откровения). Достоин внимания, что в 2. 9 и 3. 9 КП сохраняет в тексте греческое слово «синагога», подчеркивая его терминологическое значение места молитвенных собраний иудеев, или, шире, всего сообщества неверующих во Христа иудеев, тогда как СП говорит просто о «сборище». Одной из самых интересных находок КП может считаться своего рода «расщепление» содержащегося в подлиннике слова *μέτωπον* и передача его в зависимости от контекста разными словами. В тех случаях, когда речь идет о праведниках, КП передает его возвышенно-архаически как «чело» (7. 3; 14. 1; 22. 4). Когда же речь идет о представителях грешного мира, то употребляется уже обыденное слово «лоб» (13. 16; 14. 9; 17. 5; 20. 4). В некоторых случаях варианты, предлагаемые КП, сочетают удачные и неудачные черты. Так, в 7. 15 в КП

написано, что Бог «раскинет шатер» над теми, кто стоит перед Его престолом (в СП – «будет обитать в них»). Это очень тонкий и красочный перевод греческого *σκηνώσει*, однако он нарушает отраженное в СП единообразие словоупотребления с 21. 3, где тот же глагол и в КП передается как «будет обитать» (ср. Ин 1. 14, где как СП, так и КП передают *ἐσκήνωσεν* как «обитало»). Таким образом читатель лишается возможности воспринять 21. 3 как аллюзию на 7. 15, о чем, конечно же, можно только пожалеть. В 13. 16 и далее везде на месте привычного по СП «начертания» зверя в КП стоит «клеймо». В смысловом отношении данный перевод не может вызвать нареканий, очевидно и то, что он более понятен для современного читателя, чем «начертание», однако вариант СП более близок греческому подлиннику этимологически: *χάραγμα* происходит от глагола *χαράττω*, означающего «чертить». По крайней мере, в одном случае избираемый КП вариант представляется исключительно лишь плодом авторского пристрастия, никакого очевидного объяснения не имеющим: греческое слово *ῥάβδος* передается в КП всегда словом «посох», а не привычным по СП «жезл», притом, что оба варианта перевода возможны в равной мере. Резюмируя все вышеотмеченное, следует сказать, что представленная в КП версия Апокалипсиса в полной мере демонстрирует общий высочайший уровень этого труда. Применительно к переводу Апокалипсиса можно повторить то, что выше уже было сказано о КП в целом – в «техническом» отношении это лучший на сегодняшний день перевод Откровения Иоанна на русский язык.

Что касается стилистики перевода Апокалипсиса, то и здесь, в основном, читатель сталкивается с уже охарактеризованными выше явлениями и тенденциями. Налицо стремление КП к осовремениванию лексики по сравнению с СП. Вместо «кладязя» здесь стоит «колодец» (9. 1), вместо «темницы» – «тюрьма» (2. 10), вместо «волны» – «шерсть» (1. 14), вместо «человеков» – «люди» (21. 3), вместо «жены» – «женщина» (2. 20; 14. 4), вместо «халколивана» – «медь» (1. 15), вместо «змия» – «змей» (12. 9), вместо «се» – «вот» (2. 10; 21. 3), вместо «ей» – «да» (1. 7; 14. 13; 22. 20). «Се, скиния Бога с человеками» СП превращается в КП в «вот скиния Божия с людьми» (21. 3). Суждение о том, что здесь лучше, неизбежно будет окрашено субъективностью, но, думается, не будет слишком рискованным предполагать, что многие церковные читатели встречают отказ от пусть и архаизирующих, но все же понятных и привычных слов с некоторым разочарованием.

Какова же сфера применения КП ввиду всех отмеченных его особенностей? Ясно, что он не может быть народной книгой, повседневным чтением широкого круга простых верующих, так как основан на тексте, отличном от принятого в Церкви и читающегося за богослужением. Широкое распространение КП мог бы получить лишь в случае масштабной литургической реформы, которая привела бы читаемый за богослужением текст в соответствие с текстом критических изданий. Однако в обозримом будущем это вряд ли может произойти, тем более что нет и фактических оснований для внедрения в церковную жизнь не засвидетельствованного ни в одной рукописи чисто гипотетического, оторванного

от какой бы то ни было конкретной исторической традиции текста. Для тех, кто имеет должную филологическую подготовку и владеет языком оригинала Нового Завета, вообще нет острой необходимости в пользовании каким бы то ни было переводом. Для таких людей перевод представляет собой скорее лишь средство общения с теми, кто языком оригинала не владеет, и в этом смысле СП, как текст, который читает большинство верующих в России, даже для владеющих древнегреческим языком оказывается полезнее, нежели КП. Но есть одна сфера, в которой, как кажется, КП может с успехом применяться. Это сфера преподавания в церковных учебных заведениях. Изучая Св. Писание Нового Завета, пользуясь при этом книгами еп. Кассиана (Безобразова), и параллельно изучая греческий язык, студенты могут получить очень большую пользу от чтения и анализа КП – труда мастерского в филологическом отношении, отражающего многие реалии новозаветного текста лучше любого существующего ныне русского перевода. Соответственно, и для преподавателя Нового Завета и греческого языка КП может быть весьма полезен. Эта роль, хоть она и скромнее той, что играет в российской церковной жизни СП, никак не унижает КП, а является адекватным отражением его несомненных достоинств.